

УДК 81'37: 392.8
doi 10.17072/2037-6681-2017-2-47-54

ЩИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИМВОЛИКА¹

Ксения Викторовна Осипова

к. филол. н., старший научный сотрудник топонимической лаборатории
кафедры русского языка и общего языкознания

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. osipova.ks.v@yandex.ru

SPIN-код: 9505-1715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2285-6112>

ResearcherID: F-4554-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Осипова К. В. Щи на Русском Севере: культурно-языковая символика // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 47–54. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-47-54

Please cite this article in English as:

Osipova K. V. *Shchi* na Russkom Severe: kul'turno-yazykovaya simvolika [*Shchi* in the Russian North: Cultural and Linguistic Symbolism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2017, vol. 9, issue 2, pp. 47–54. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-47-54 (In Russ.)

В статье реконструируется культурно-языковая символика *щей* на материале говоров Русского Севера (Архангельская и Вологодская области, а также северо-восток Костромской области). Статья включает лексические материалы, почерпнутые из опубликованных словарных источников, а также лексических картотек Словаря говоров Русского Севера и Топонимической экспедиции Уральского университета. Обычно *щами* крестьяне называли мясной суп с добавлением ячменной или овсяной крупы, а также суп из квашеной капусты. Фонетические формы *щи* и *шти* в говорах могут встречаться и на одной территории, но при этом их значения дифференцируются. На Русском Севере *щи* принадлежали к основной части рациона – их варили и как повседневное, и как праздничное блюдо, варьируя состав ингредиентов. В говорах различались *щи* и все прочие более жидкие супы, которые относились к разряду *похлебок*. Щи употреблялись за любой трапезой как в богатых, так и бедных домах. Капустные *щи* были самой привычной пищей и символизировали однообразие крестьянского рациона, могли рассматриваться как прототип всякой пищи. Щи подавали дома как часть праздничного угощения: на свадьбе совместное употребление *щей* означало согласие и породнение семей; *щи* символически были связаны с домом, с которым прощалась невеста. Благодаря яркому звуковому облику слова *щи* возникли присловья, основанные на рифме *щи* – *полощи*, *щи* – *шли* и называющие жидкую похлебку. Простота приготовления и незатейливость состава *щей* определили появление фразеологизмов *как шти варит* ‘запросто, непринужденно’ или *щи похлебат* ‘плохо, бессмысленно’. Во фразеологизме *шти пролить* ‘упасть’ слово *щи* используется как эвфемизм по отношению к соматизму *кровь*.

Ключевые слова: Русский Север; диалектная лексикология; этнолингвистика; семантика; мотивация; традиционная пища.

SHCHI IN THE RUSSIAN NORTH: CULTURAL AND LINGUISTIC SYMBOLISM

Ksenia V. Osipova

Senior Researcher in the Toponymic Laboratory
of the Department of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
51, prospekt Lenina, Ekaterinburg, 620000, Russian Federation

SPIN-code: 9505-1715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2285-6112>

ResearcherID: F-4554-2017

The article deals with the reconstruction of cultural and linguistic symbolism of *shchi* based on the dialects of the Russian North (the Arkhangelsk and Vologda regions, as well as the northeast part of the Kostroma region). The article includes lexical material from published lexicographic sources and also from lexicographic files of the Russian North Dialects Dictionary and the Ural Federal University Toponymic Expedition. Usually by *shchi* peasants meant a meat soup with barley or oat groats, as well as a soup made from sauerkraut. Two different phonetic forms, *shchi* and *shti*, can be present on the same territory, in which case their meanings are differentiated. In the Russian North, *shchi* was a part of the basic diet: this soup could be an everyday or holiday dish, depending on the ingredients. The dialects distinguish between *shchi* and all the other, more liquid soups, which were categorized as *pokhleбка* (broth). *Shchi* could be eaten at any meal, in rich households as well as in poor ones. Cabbage *shchi* was the most usual food, it symbolized the monotony of the peasant diet and could be considered a prototype of any food. *Shchi* was served at home as a part of festive meals: at weddings eating *shchi* together meant the agreement between the two families that were establishing new family relations. *Shchi* was also symbolically linked with the house which the bride was leaving. The distinctive phonetics of the word *shchi* determined the creation of sayings based on rhymes *shchi* – *poloshchi* (*shchi* – rinse), *shchi* – *shli* (*shchi* – went). The easy cooking and common ingredients gave birth to such idioms as *kak shti varit* (as if he/she was cooking *shchi*), i. e. “easily, in a relaxed way”, or *shchi pokhlebat* (to sup *shchi*), i. e. “badly, senselessly”. The word *shchi* is used as an euphemism for ‘blood’ in the idiom *shti prolit* (to spill *shchi*), which means ‘to fall’.

Key words: Russian North; dialectal lexicology; ethnolinguistics; semantics; motivation; traditional food.